Глава 46: Грязь и облако

— Всегда утонченный сянь-шен, вдохновляющее окружение рождается от самого присутствия Ван Хуна.

Сказав это, Чэнь Жуну не нужно было поднимать голову в этот момент, чтобы ощутить подавляющее превосходство сильного мага, происходящего из высшего общества. Что-то изменилось в ауре Ван Хуна, на расстоянии это не слишком читалось, но сейчас было весьма явственно. Чэнь Жун, казалось, даже принюхался к этим новым веяниям флера. Но разгадать не смог. Нет, весьма вероятно, что тот прошел некий ритуал… или он взошел на новую ступень культивации… но Женя не был столь сведущ в подобных материях. Все же в своем пути совершенствования Цилан ушел куда дальше, в этом возрасте пять лет сознательного и интенсивного совершенствования - это очень много…

Ван Цилан посмотрел на неподвижного настороженного Чэнь Жуна и улыбнулся. Тот был очарователен в своей пытливой настороженности. Цилан склонил голову набок, сцепил руки за спиной, наблюдая за лунным отражением в озере, и мягко спросил:

— Только что ты подумывал о том, чтобы броситься в озеро?

Ну что за бред?! Неужели он так походит на возможного самоубийцу? Понятно, что в это время многие непонятые и неоцененные, чаще всего женщины, кончали подобным образом. И Замершая в сознании А Жунь тому пример. Считалось даже, что это снимает многие грехи с самого самоубийцы… и решает проблемы родственников. Как правило. Частенько сами родные или супруги предлагали «шелковый шарф» неугодным в качестве прямого намека на желаемую для окружающих концовку. Так сказать, нет человека – нет проблемы. Но это точно не его путь.

— Нет! — Чэнь Жун резко поднял голову. — Жизнь — дар богов. Я не посмею думать о смерти!

Внезапно он встретился с горделивыми, довольными глазами Ван Хуна под лунным светом – глазами, которые, казалось, показывали, что он знает. Он невольно опустил голову. Сила была пока что несопоставима.

Чэнь Жун крепко сжал свою правую руку и, после того, как его ладонь заболела от ногтей, он подстроился под шаг Ван Хуна возле отражающей лунный свет воды и мягко сказал:

— Только что я видел себя в озере, таким красивым. Но в считанные секунды я поседел и постарел. Как будто отражение в воде было всего лишь иллюзией, и я не мог сдержаться от желания удержать его.

В этот момент он, наконец, взял себя в руки. Выдуманная причина была вполне себе в духе этого времени с неким философским аспектом. Он поднял глаза и храбро посмотрел на Ван Хуна, ожидая его реакции.

В лунном свете Ван Хун казался небожителем, он был одет в просторную ханьфу с широким поясом, на голове у него находился высокое ажурное головное украшение, точно корона принца. С ним он напоминал фейри из легенд мира Жени. Люди знали и встречали далеко не всех демонических порождений, своего мира. Многие из магических порождений эфира не горели желанием общаться с людьми, и хорошо, если эти разумные были просто нейтральны, а не враждебны. Одни из них произошли от мутировавших людей, другие от животных, третьи от поднявшихся мертвых, четвертые… кто его знает, от чего. Часть оболочек заселили эфирные сущности из-за барьера миров, именуемые демонами, они были наиболее страшны и агрессивны, стремясь закрепиться в новом мире. И где-то, не исключено, что такое удавалось. Уже в его время ходило много легенд и сказок рассказываемых моряками и странниками о разных кланах и племенах, мало похожих на обычных людей, живущих в изоляции и часто враждебных к чужакам.

Очевидно, что на Ван Хуне было вполне себе обычное одеяние для столь богатого рода как Ван, но на нем оно смотрелось изящным, как нефрит и лунный свет. Облик омеги соответствовал идеалам мужской красоты этого времени.

Чэнь Жун наблюдал за ним со слегка ошеломленным взглядом. Все же магия – великая сила.

С трудом преодолев влияние могущественного флера, он встретился с изучающим взглядом Ван Хуна.

Его глаза были похожи на луны: такие ясные, но такие недоступные, очевидно, очень близкие, но и недостижимо далекие.

Стоя лицом к лицу, Ван Хун, почти не шевеля губами, медленно произнес:

— Сяо Жун из дома Чэнь, ты ничего не хочешь мне сказать?

Его голос особым способом смягчился, слова звенели, как нефрит и лед. Такой тон, сопровождаемый его возвышенным, эфирным темпераментом, заставил Чэнь Жуна впервые почувствовать, что человек перед его глазами был подобен облакам, отделенными от него более чем тысячами миль. Вероятно, он уже достиг золотого ядра, что для свободного омеги, безусловно – великая редкость.

Как ни странно, осознав это, его стыд и дискомфорт исчезли, как клубы дыма. За такого омегу будут бороться сильнейшие, и ему не зазорно восторгаться подобным магом. Интересно о его статусе знают в его клане?

Спокойно глядя на отражения в озере, Чэнь Жун опустил глаза. Безусловно, старшему магу была приятна его щенячья восторженность.

— В этом мире имеется бесчисленное множество людей, восхищающихся тобой,— прошептал он, а затем, как будто он наблюдал за ним или нет, его взгляд повернулся, чтобы показать

естественное очарование на красивом утонченном по-омежьи лице: — Ты спрашиваешь каждого, кого встречаешь “почему“?

Легкий ветерок, рябь волн и такая яркая луна! А Жунь в сознании замирала и вздыхала, определенно раздражая этими томными слезливыми вздохами Женю. Но прорвавшееся раздражение определенно все испортило бы.

Ван Хун спокойно посмотрел на Чэнь Жуна и вдруг расхохотался. Он повернул голову и сказал:

— Это был я, который слишком много думал. Ты талантливый актер, Сяо Жун. И не волнуйся о старости, став бессмертным, ты останешься все так же прекрасен и юн. И ты это откуда-то знаешь ,- он погрозил пальцем, прищурив глаза. - Сейчас просто следует лишь правильно выбрать своего покровителя. Твой барьер еще не взломан, но он уже вполне готов к этому.

У Чэнь Жуна отвисла челюсть: это про что это он? А?

И затем маг повернулся уходить.

Пока Чэнь Жун наблюдал, как его рукава удаляются все дальше и дальше, он не мог удержаться от шепота:

— Этот маг — облако в небе; его улыбка может опрокинуть горы. Я же лист на ветке. Я превращусь в грязь, как только ветер принесет меня на землю после осеннего дождя.

В его голосе не было печали. Он просто спокойно констатировал факт. Это был лишь объективный факт. Он никто рядом с этим аристократом-омегой.

Неосознанно Ван Хун остановился и посмотрел на него.

В лунном свете небесные глаза юноши Чэнь казались непостижимыми. Хотя его юное лицо было невинным, его аура уже была невероятно сексуально соблазнительной. Как он сказал, он был похож на резной древесный лист своей природной естественностью. Его красота хоть и была необычна, но именно в нем она смотрелась как вроде, так и было задумано богами. И не могло быть никак иначе. Цилану еще не доводилось видеть столь юных омег такой большой внутренней силы и обаяния. Он сам в таком же возрасте был куда скромнее. Этот мальчик походил на уникальный нефрит, который сам по себе был сокровищем, даже без обработки. Подобным хотелось владеть и не выпускать из рук.

Тем не менее, стоя на берегу озера под этим лунным небом, он рассказывал ему об их видимых ему социальных различиях в такой откровенной манере. Он так беспечно хвалил его за "опрокидывающую улыбку" и называл себя листом, который после грозы превратится в грязь, потому что его происхождение было неизмеримо ниже в глазах общества. Он еще просто не понимал, что маги это совершенно иной вид разумных, родственный самим богам. Потому их и

именуют Небожителямси. Из-за своей беспомощности и отчаяния он, казалось, ранее был вынужден смириться с тем, что он будет пострадавшим и теперь научился отпускать. Это кольнуло Ван Хуна в сердце.

Его глаза, казалось, несли в себе лунный свет, когда он рассматривал этого мальчика, рожденного чтобы стать сокровищем этого мира.

— Сяо Жун, не говори так о себе. Возможно, что все в мире такие, но мы – маги, и не станем грязью после осеннего дождя. В этом отношении между тобой и мной нет никакой разницы.

В обществе уже начала утверждаться разница между статусами обычных людей и магов – сверхлюдей.

— Ты не грязь, и я не облако, — сказал он, после недолгого молчания.— Скоро, очень скоро ты тоже войдешь в силу, и многие альфы даже очень высокого положения будут добиваться твоей благосклонности всеми доступными им способами.

Чэнь Жун склонил голову и тихо, вроде даже с робостью, переспросил:

— Правда?

— Правда!

Ван Хун спокойно наблюдал за ним с расстояния десяти шагов. Наконец, он печально улыбнулся и прошептал:

— Небеса, помогите мне, этот омега…

К тому времени, когда Чэнь Жун поднял голову, лишь он остался с лунным светом; фигура Ван Хуна плыла в дали.

Он был так далеко, но его фигура все еще напоминала луну и облака. Чэнь Жун покачал головой, думая: "Интересно, кто сможет привлечь внимание такого мужчины?"

Он не хотел больше думать, поэтому оторвал ступни от земли и пошел обратно в главный зал.

Откуда-то издалека, еще до того, как он приблизилась к собравшимся, послышались взволнованные ноты цитры, сопровождаемые тихим пением:

— Орхидея — растение королевского аромата. Хотя она все еще цветет, теперь она смешивается с подобными травами, собранными в букет небрежной рукой. Точно так же есть разница между мудрецом, который выжидает, и обычным торопливым дураком…

Чэнь Жун покачал головой, слушая слова. Возможно, так устроен мир. Даже у людей есть печали, о которых они не могут рассказать. Взять его за пример. Он провел столько лет, скрываясь и убивая по приказу, почему его еще не охватили ненависть и гнев?

Чэнь Жун вошел в зал в середине своих размышлений.

В центре зала играла и пела куртизанка. Все остальные слушали ее как зачарованные, кивая головами в такт музыке.

Чэнь Жун занял свое место, воспользовавшись оставшимися от ушедших девиц экранами. По традиции, незамужние женщины, присутствующие на приемах, располагались за такими полупрозрачными преградами, чтобы на них «не глазели» открыто. Один из них оказался удачно отставлен, так что скрывал его место. Он тихо откинулся назад и поднял голову, чтобы посмотреть на присутствующих сквозь экран. Это общество отличалось от ранее привычного ему своими традициями, гласными и негласными, своей чрезмерной церемонностью и множеством скрытых правил. Если бы не А Жунь, как долго он смог бы тут продержаться? Чтобы жить в этой среде, в ней следовало родиться. Впрочем, тут еще следовало все понять о конца. Не исключено, что он все же тут и родился, а затем перенесся в будущее… чтобы вновь вернуться. Но вот женская душа, прихваченная в межвременье из параллели, оказалась неожиданным бонусом. Немного проблемным, но по большей части полезным. Психологической проблемы он не ощущал, это было с родни поглощению духовных сущностей эфирных порождений. И было естественным для магов.

Все это время он не хотел, чтобы другие читали его мысли через глаза. Всякий раз, когда он смотрел на других людей, он только скользил быстрым взглядом и никогда не останавливался надолго. Кто знает, в какой момент можно напороться на менталиста. На лбу у всех их таланты не написаны.

Однако теперь, благодаря случайности, он мог смотреть столько, сколько хотел, благодаря тому, что сидел в тени колонн во втором ряду, скрытый небрежно оставленным прислугой экраном.

В частности, мужчина в черном, сидящий перед ним. Он мог наблюдать за ним сколько угодно, не беспокоясь: совсем недавно тот сказал, что попросит его руки у дома Чэнь. Почему он так сказал? Хочет застолбить юного омегу за собой? Он обратился с вопросами к своему второму «я», которого все чаще уже не отделял от себя.

Несмотря на то, что Чэнь Жунь была замужем за ним в течение многих лет, они проводили очень мало времени вместе, и она никогда не могла догадаться, что у этого человека на уме. Их общение сводилось к быстрому, зачастую грубому жесткому сексу, что для Чэнь Жуна стало откровением. До этого момента А Жунь не упоминала интимной сферы своей жизни совершенно. А тут вдруг такое откровение. Смазанные картинки воспоминаний мелькнули и пропали, точно женщина внезапно застыдилась.

Девушки этого времени до замужества крайне мало знали о сексуальной стороне жизни. Для

юноши нанимали пожилую куртизанку для «просвещения» после сдачи все того же экзамена. Хотя многие дворяне начинали тайно посещать местные бордели куда раньше. Экзамен же считался определенной вехой в жизни юноши. После него считалось, что мужчина созрел для семьи и ответственности. Поэтому те, кто сдал экзамен в юном возрасте, считались Гениями своих родов. Как Цилан. При этом общение с куртизанками после этого считалось не только не осуждаемым, а даже необходимым.

Он покачал головой. «Я снова живу, ты снова живешь, зачем все еще переживать об этом? Что бы ни случилось, на этот раз я никогда не повторю ошибок! Я не буду дураком, скрывающим свою сущность или отдающим всю свою любовь и преданность мужчине только для того, чтобы оказаться доведенным до точки невозврата!»

Никогда снова.

Посреди их мыслей из коридора донеслись какие-то звуки, наиболее отчетливыми из которых были звуки женского смеха.

Чэнь Жун повернулся посмотреть.

Он увидел Ван Хуна, кружащегося в белом одеянии.

Куда бы ни шел этот человек, он всегда оказывался в центре внимания. При каждом его движении все болтающие девицы и дамы улыбались, перешептывались или просто сидели, непременно обращая на него внимание. Мужчины же старались сохранять мужественную солидность и надежность. Омега в силе… именно он будет для Жени примером в своем роде. Он сдержано улыбнулся. В его прошлой жизни ему никогда не доводилось лично встречаться и общаться с омегами, только слышать россказни и домыслы о прекрасных затворниках кланов, чуть ли не секс рабах магов-альф. Однако реальность оказалась несколько иной. И не он будет, если не превзойдет это «Облако в штанах»!

http://tl.rulate.ru/book/1285/36096